

ТЮТЧЕВЪ И ВЛАДИМІРЪ СОЛОВЬЕВЪ

(глава изъ книги).

П. Б. Струве.

1. Въ 1883-мъ году Соловьевъ началъ печатать у Ив. Аксакова, въ его еженедѣльной газетѣ «Русь», свои извѣстныя статьи о «Великомъ спорѣ и Христіанской политикѣ». Для Аксакова былъ непріятенъ и непріемлемъ новый оборотъ въ міровоззрѣніи Соловьева, приходившаго тогда изъ самого славянофильства къ своеобразному религіозному западничеству. Одну изъ главъ всего ряда Аксаковъ вовсе отказался напечатать. Это была глава объ Имперіи, о всемірной монархіи. Соловьеву пришлось уступить, съ неохотой и огорченіемъ. И вотъ что писалъ онъ тогда Аксакову: «Идея всемірной монархіи принадлежитъ не мнѣ, а есть вѣковѣчное чаяніе народовъ. Изъ людей мысли эта идея одушевляла въ средніе вѣка между прочимъ Данта, а въ нашъ вѣкъ за нее стоялъ Тютчевъ, человекъ чрезвычайно тонкаго ума и чувства. Въ полномъ изданіи «Великаго спора» я намѣреваюсь изложить идею всемірной монархіи большей частью словами Данте и Тютчева» (*). Имя Тютчева здѣсь

*) Письмо отъ 14 ноября 1883 г., — Письма, IV, Пгр. 1923, с. 26-27, — первоначально въ «Русской Мысли», 1913, декабрь.

въ особенности интересно. Вѣроятно, именно самъ Аксаковъ обратилъ вниманіе Соловьева на политическія статьи Тютчева и далъ ему имъ написанную біографію поэта, на дочери котораго Аксаковъ былъ женатъ. И въ этой увлекательно написанной біографіи Соловьевъ больше всего и могъ найти на тему объ Имперіи. вмѣстѣ съ тѣмъ, имя Тютчева всего проще объясняетъ этотъ парадоксальный переходъ отъ славянофильскихъ предпосылокъ къ западническимъ выводамъ, который такъ вообще характеренъ для религіозно-философскаго становленія Соловьева... Полное изданіе «Великаго спора» не осуществилось. вмѣсто того Соловьевъ написалъ свою французскую книгу, и въ ней, дѣйствительно, развилъ свою схему «всемірной монархіи». Мы не можемъ судить, какъ относится этотъ французскій и окончательный текстъ къ тому первоначальному, который былъ отвергнутъ Аксаковымъ. Во всякомъ случаѣ, во французской книгѣ ссылокъ на Тютчева нѣтъ... Много позже Соловьевъ писалъ о Тютчевѣ, какъ поэтѣ, говорилъ въ своей статьѣ и объ его историческихъ взглядахъ и ожиданіяхъ. О своихъ былыхъ сочувствіяхъ Тютчеву въ этихъ ожиданіяхъ и предсказаніяхъ здѣсь Соловьевъ не говоритъ (*). Письма къ Аксакову изданы были впервые только въ 1913-мъ году, и никто изъ изслѣдователей не обратилъ вниманія на приведенное выше признаніе Соловьева... Не трудно убѣдиться, что впечатлѣніе отъ статей Тютчева было у Соловьева очень сильнымъ. У Тютчева онъ услышалъ новые мотивы, и былъ ими увлеченъ.

2. Въ 1849-мъ году Тютчевъ началъ писать французскую книгу: *Россія и Западъ*. Эта книга

*) Поэзія Ѳ. И. Тютчева, — первоначально въ «Вѣстникѣ Европы», 1895, апрѣль, — Сочиненія, VI, во 2 изд. VII.

не была окончена никогда. Изъ намѣченнаго Тютчевымъ плана только двѣ темы были имъ обработаны въ отдѣльныхъ статьяхъ тогда-же изданныхъ за-границею. Уже послѣ смерти Тютчева Ив. Аксаковъ издалъ изъ его черновыхъ тетрадей отдѣльные наброски и замѣтки. Конечно, не все, что осталось. Но достаточно, чтобы возстановить и разгадать общій замыселъ писателя (*). Тютчевъ писалъ подъ впечатлѣніемъ недавнихъ событій. Это было сразу же послѣ Февральской Революціи. Только что вся Европа содрогнулась въ революціонныхъ корчахъ. Казалось, начинается новый вѣкъ, новый историческій эонъ. Казалось не одному Тютчеву, и не ему только такъ показалось. Очень многіе тогда такъ подумали, и пророчествовали. Изъ русскихъ достаточно напомнить Герцена... Великій тайнозритель природы, Тютчевъ и въ исторіи оставался прозорливцемъ. Политическія событія были для него тайными знаками, символами подспудныхъ процессовъ въ глубинахъ. По нимъ онъ разгадывалъ послѣднія тайны исторической судьбы... Исторія обращалась

*) И. Аксаковъ, Теодоръ Ивановичъ Тютчевъ, Русскій Архивъ, 1873, и отд. М. 1874. Тамъ же въ «Русскомъ Архивѣ» 1874-го года перепечатаны и статьи Тютчева, включенныя затѣмъ и въ собранія его сочиненій. Ихъ три: «Россія и Германія», первоначально, повидимому, въ *Augsburge Allgemeine Zeitung* 1844 года. Россія и Революція, издана отдѣльной брошюрой подъ заголовкомъ: *Mémoire présenté à l'empereur Nicolas, depuis la révolution de Février, par un Russe, employé supérieur aux affaires étrangères*, въ Парижѣ, 1849; Россія и Римскій вопросъ, первоначально въ *Revue des deux Mondes*, 1849. Въ «Русскомъ Архивѣ» данъ и русскій переводъ, воспроизводимый и въ изданіяхъ сочиненій. Письма къ женѣ, изъ которыхъ Аксаковъ приводилъ извлеченія, изданы полностью: Письма Ѳ. И. Тютчева къ его второй женѣ, урожд. бар. Пфѣффель, СПб. 1914 и 1915 (изъ журнала «Старина и Новизна»). Срв. мою статью: *The historical remonitions of Tjutchev* въ *Slavonic Review*; въ очень существенныхъ поправкахъ нуждается статья Л. Гроссмана, Тютчевъ, сумерки монархій, въ сборникѣ: *Три Современника*, М. 1923. Срв. еще интересную статью Е. Казановичъ, Изъ мюнхенскихъ встрѣчь Ѳ. И. Тютчева, — Урания, Тютчевскій альманахъ, Лгр. 1928, стр. 125-171.

для него въ Апокалипсисъ. «Господь пишетъ огненными знаками на небесахъ почернѣвшихъ отъ бурь»... Въ этомъ отношеніи Тютчевъ былъ скорѣе западнымъ человѣкомъ. Къ де-Местру онъ психологически ближе, чѣмъ даже къ Хомякову. Его русскіе современники, старшіе славянофилы, еще не испытывали апокалиптической тревоги, еще не знали той метафизики Революціи, о которой съ такой нескромной смѣлостью на Западѣ уже давно рассказалъ именно Местръ... Именно Местра все время такъ напоминаетъ Тютчевъ... Тютчевъ исходитъ изъ антитезы: Революція и Россія. «Давно уже въ Европѣ существуютъ только двѣ дѣйствительныя державы: Революція и Россія. Эти силы стоятъ теперь другъ передъ другомъ, и завтра быть можетъ столкнутся. Между ними ни сговоръ, ни соглашеніе не возможны. Жизнь одной изъ нихъ есть смерть для другой. Отъ исхода борьбы между ними, — величайшей борьбы, какой только когда либо былъ міръ свидѣтелемъ, — на многіе вѣка зависитъ политическое и религіозное будущее человечества». Двѣ державы, двѣ власти, двѣ силы, — *deux puissances réelles*... Это не политическія и не эмпирическія только силы. Противостоятъ и противоборствуютъ два духовныхъ начала, два метафизическихъ принципа. Борьба совершается въ глубинахъ, и на поверхность только прорывается... Россію Тютчевъ противопоставлялъ революціи не потому, что видѣлъ въ ней оплотъ реакціи, или нѣкій контръ-революціонный утесъ и твердыню абсолютизма. Абсолютистомъ Тютчевъ не былъ. И къ тому, «что называется Россіей на оффиціальномъ языкѣ», относился всегда съ нескрываемымъ отрицаніемъ, со страдальческимъ раздраженіемъ и гнѣвомъ. О ней, объ этой оффиціальной Россіи онъ отзывался всегда рѣзко: это бессмыслица, страшная и смѣхотворная

сразу, здѣсь все сплошь одурѣло, — tout s'est crétinisé d'ensemble... Сознаніе замкнулось здѣсь въ какомъ-то магическомъ кругѣ... Мысль окончѣла... Все притупилось... Утрачено чувство и пониманіе историческихъ преданій... Николаевская Россія открывалась передъ Тютчевымъ, какъ видѣніе Іезекіиля. «Все поле покрыто сухими костями. Оживутъ ли кости сіи. Ты вѣси, Господи. И только дыханіе Божіе можетъ оживить ихъ, дыханіе бури»... Нѣтъ, не объ этой мнимой Россіи («ce faux peuple») думалъ и говорилъ Тютчевъ. Но за призрачной декорацией онъ видѣлъ и угадывалъ другую и подлинную Россію, — «край родной долготерпѣнья»... И эту Россію, — онъ зналъ и видѣлъ это, — «въ рабскомъ видѣ Царь Небесный исходилъ, благословляя»... Это — Россія русскаго народа. И Россія христіанская, въ самыхъ глубинахъ и тайникахъ бытія своего... Тютчева меньше всего можно назвать въ какомъ бы то ни было смыслѣ народникомъ. Соціальныя мотивы славянофильства не имѣютъ большого значенія въ его схемахъ. Его историческій шиболетъ совсѣмъ не: «община», но: *Имперія*.... Эту Имперію онъ провидитъ, однако, именно въ народной Россіи. «Міръ русско-византійскій, въ которомъ жизнь и богослуженіе одно»... Эта Россія еще въ возможности, еще въ становленіи, еще ожидаетъ часа своего... Именно эту Россію, будущую и становящуюся, Тютчевъ противопоставляетъ революціонному Западу... И Революція для Тютчева есть не только эмпирической фактъ, народный мятежъ или самоутвержденіе, не только «вольнoлюбивое стремленье». Революція есть, прежде всего, «идея», духовная реальность, — въ этомъ Тютчевъ только повторяетъ Местра... Тютчевъ пишетъ всегда: Революція, съ большой буквы, — *La Révolution*... Онъ говоритъ не о революціяхъ, не объ отдѣльныхъ рево-

люціонныхъ вспышкахъ или движеніяхъ, не о какихъ нибудь мѣстныхъ случаяхъ или случайностяхъ... Революція, какъ принципъ или духовная сущность, не исчерпывается въ своихъ эмпирическихъ проявленіяхъ... Революція есть антихристіанство, опредѣлялъ Тютчевъ, — и въ этомъ источникъ ея власти или мощи въ мірѣ. Противохристіанскій духъ есть душа Революціи, въ этомъ ея основной отличительный признакъ, — *l'esprit anti-chrétien est l'ame de la Révolution*... И вотъ, на Западѣ это не есть какое-то случайное, обособленное явленіе. Это есть послѣднее слово Запада, — крайній предѣлъ, послѣдовательный выводъ западной цивилизаціи... Болѣе того: это весь Западъ. Тютчевъ настаиваетъ на этомъ обобщеніи. «Вся новая мысль, со времени ея отпаденія отъ Церкви». То есть: со временъ Реформаціи. Снова Тютчевъ повторяетъ Местра, выводитъ Революцію изъ Реформаціи, приравниваетъ и отождествляетъ ихъ, эти два возстанія. Нужно помнить, что здѣсь Тютчевъ совпадаетъ не только съ де-Местромъ, но и съ Сень-Симономъ, который въ своемъ «Новомъ Христіанствѣ» со всей прямою сближаетъ эти два акта революціоннаго самоутвержденія человѣческаго «Я». Это была общая органическая антитеза новой или «романтической эпохи, противопоставленная критической тезѣ предыдущаго вѣка... И за Сень-Симономъ пошелъ Контъ... Тютчевъ пошелъ и дальше, и въ другую сторону. Для него Революція начинается на Западѣ не только не въ 1789-мъ году, и даже не во времена Лютера. Ибо самую Реформацію Тютчевъ выводитъ изъ Папства (въ этомъ его повторилъ Хомяковъ). И получается единая и непрерывная революціонная традиція. Новѣйшая революціонная школа дѣлаетъ только послѣдній выводъ, крайнее обобщеніе... В е с ь З а п а д ѣ е с ь Р е в о л ю ц і я , есть возстаніе и апо-

ѡеозъ чeлoвѣчecкoгo «Я»... Вѣ этoмъ eдинcтвo Зaпaдa... И этo eсть eдинcтвo Рeвoлюцiи. Зaпaдъ или Eврoпa oткрывaeтcя Тютчeву, кaкъ вeликoe дyxoвнoe eдинcтвo, нeсмoтря нa вcѣ рaздѣлeнiя и рaздopы. «Рeвoлюцiя, кoтoрaя eсть нe чтo инoe, кaкъ aпoѡeозъ тoгo-жe caмaгo чeлoвѣчecкoгo «Я», дocтигшaгo дo cвoeгo пoлнѣйшaгo рaсцвѣтa, нe зaмeдлилa пpизнaть cвoими и пpивѣтcтвoвaть, кaкъ двyxъ cвoихъ cлaвныхъ пpeдкoвъ, и Гpигopия VII, и Лютepa. Рoдcтвeннaя крoвь зaгoвopилa вѣ нeй, и oнa пpинялa oднoгo, нeсмoтря нa eгo хpиcтиaнcкiя вoззрѣнiя, и пoчти oбoгoтвopилa дpyгoгo, хoтa oнъ и былъ пaпoю»... И этo знaчитъ, чтo нa Зaпaдѣ нѣтъ и нe мoжeтъ быть ycтoя пpoтивъ Рeвoлюцiи. Bcякoe пpoтивoдѣйcтвиe Рeвoлюцiи, вcякaя рeaкцiя или рecтaвpaцiя нa Зaпaдѣ eсть тoлькo caмooбмaнъ и миcтификaцiя. Bидимo рaздѣлeнный Зaпaдъ eдинъ и coлидapeнъ вѣ идeѣ... Зaпaдъ eсть Рeвoлюцiя, — и мeннo пoтoму, чтo Зaпaдъ eсть Римъ. Дpeвнiй, язычecкiй Римъ, — «пpeдaниe римcкoй импepии», пpoбившeeя нapyжy чpeзъ хpиcтиaнcкiя вѣкa. И пoтoму нѣкaя пoддѣлкa пoдъ иcтиннoe Цapcтвиe Хpиcтoвo... Этo — Кecapь, вѣчнo вpaждyющiй co Хpиcтoмъ: *c'est là le César qui sera éternellement en guerre avec le Christ...* «Идeя Импepии вceгдa былa дyшeю иcтopии Зaпaдa», дyмaлъ Тютчeвъ; нo cрaзу жe oгoвapивaлъ: «нo Импepия нa Зaпaдѣ никoгдa нe былa ничѣмъ инымъ, кaкъ пoхищeнiемъ влacти, или узypпaцiей». Зaкoннaя Импepия cъ Кoнcтaнтинa — нa Bocтoкѣ, — для Тютчeвa этo тoтъ узлoвoй «хpиcтиaнcкiй фaктъ», кoтopый oтвepгaeтъ язычecкiй, — *c'est la donnée chrétienne que la donnée paupenne cherche à nier...* Нa Зaпaдѣ «Импepия» eсть пoэтoму нѣчтo нacильcтвeннoe и пpoтивo-ecтecтвeннoe. Bѣ cущнocти Импepия нa Зaпaдѣ нeocущecтвeннa, вcѣ пoпытки ee тaмъ «ycтpoитъ» cрывaютcя вѣ нeудaчy... «Этo

была добыча, которую папы подѣлили съ Германскими кесарями; оттуда ихъ распри. Законная Имперія осталась прикована къ наслѣдію Константина... Исторія Запада вся сжимается въ «Римскій вопросъ», и въ немъ сосредоточены всѣ противорѣчія и всѣ «невозможности» западной жизни... Папство сдѣлало попытку «организовать царство Христово, какъ мірское царство», и Западная Церковь, «превратилась въ учрежденіе», «стала государствомъ въ государствѣ», — какъ бы «римская колонія въ завоеванной землѣ». Отсюда этотъ «безбожный и святотатственный поединокъ» съ «Имперіей». Этотъ историческій поединокъ разрѣшается двоякимъ крушеніемъ: Церковь отвергается въ Реформаціи во имя «человѣческаго личнаго Я»; и Государство отрицается въ Революціи. Однако, страннымъ образомъ и неожиданнымъ, — сила традиціи остается при этомъ столь упругой, что самая Революція стремится сорганизоваться въ Имперію, какъ бы повторить дѣло Карла Великаго. Этотъ революціонный империализмъ могъ быть только пародіей. Наполеонъ въ своей «Имперіи» пробовалъ «миропомазать» или «посвятить» Революцію («sacrer»), — въ этомъ замыселъ этого «кентавра», половина котораго Революція. «Онъ былъ земной, не Божій пламень»... Это уже прямой и открытый возвратъ къ языческому Риму. Мірская сила открыто обращается во имя секуляризаціи противъ Христа и ударяетъ по послѣднему изъ устоевъ, «который кое-какъ все еще поддерживаетъ на Западѣ остатки христіанскаго зданія, уцѣлѣвшіе послѣ великаго крушенія XVI-го вѣка и обваловъ, случавшихся потомъ». То есть: противъ Римской церкви... Западная церковь отпала и вышла изъ вселенскаго единства, «создавая себѣ отдѣльную судьбу». Не Церковь распалась или раздѣлилась, — вѣдь Церковь едина и каѳолична. Но два міра, «два человѣ-

чества, такъ сказать», разъединились, разошлись въ своемъ историческомъ стремленіи. Римъ «заслонилъ собою отъ Запада Вселенскую церковь», «конфисковалъ въ свою пользу вселенское преданіе», — и этимъ сдѣлалъ невозможнымъ устройство западнаго міра: Имперія связана съ в с е л е н с к о й Церковью. Римъ своимъ самоволіемъ началъ разложеніе Вселенскаго единства. Попытка поглотить въ «своемъ Римскомъ я» всю Церковь есть начало того западнаго автономизма, который затѣмъ обращается именно противъ Рима. «Ибо между самовластіемъ человѣческой воли и закономъ Христа не мыслима мировая сдѣлка»... И вотъ теперь завершается безысходный кругъ разрушительныхъ послѣдствій изначальнаго своеволія. И бессильно и беззащитно стоитъ теперь Христіанскій Римъ подъ ударами обезбоженнаго романизма... «Западъ гибнетъ, все рушится, все проваливается во всеобщемъ воспламененіи, — Европа Карла Великаго и Европа договоровъ 1815-го года, римское папство и всѣ западныя монархіи, католичество и протестантизмъ, вѣра, давно потерянная, и разумъ, приведенный къ нелѣпости, — порядокъ отселѣ невозможный и свобода уже неосуществимая, — и надъ всѣми этими развалинами, ею-же взгроможденными, Цивилизація кончаетъ съ собой самоубійствомъ»... Это почти тѣ-же слова, что у Герцена срываются въ тотъ же историческій часъ. То же испугнутое и тревожное отреченіе... Но не съ ненавистью и злорадствомъ, не съ гнѣвной укоризной созерцаетъ Тютчевъ эту гибель Запада. Сердце его страдальчески и мучительно загорается, въ глубокой и соболѣзнуюющей скорби. Тютчевъ скорбитъ о той роковой безпомощности, въ которую ввергнуть Западъ вѣками Римской «святотатственной опеки». Западъ очнулся, но не можетъ преодолѣть наслѣдственной отравы. «И гдѣ исходъ»... И по-

добно Герцену и Тютчевъ оборачивается на Востокъ. Онъ не останавливается на разочарованіи, кончаетъ не безнадежнымъ приговоромъ. «Нѣтъ, такое ужасное, такое противоестественное положеніе продлиться не можетъ. Наказаніе-ли это или испытаніе, — но мыслимо ли, чтобы Господь въ своемъ милосердіи еще надолго покинулъ Римскую церковь, охваченную такимъ огненнымъ кругомъ, и не открылъ пути, не указалъ исхода, — исхода дивнаго, свѣтозарнаго, нечаяннаго... Немалое то будетъ пламя, не краткосрочный то будетъ пожаръ, который поглотитъ и испепелитъ цѣлыя вѣка суетныхъ притязаній и противохристіанской вражды, и сокрушитъ наконецъ роковую преграду, заслоняющую желанный исходъ. Предъ лицомъ свершающихся событій, предъ лицомъ новой организаціи зла, болѣе хитроумной и грозной, чѣмъ когда-либо видѣли люди, предъ этимъ міромъ во всеоружіи и на-готовѣ стоящаго зла, съ его церковью безвѣрія, съ его мятежнымъ правительствомъ, — неужели же отнята у Христіанъ надежда, что Господь благоволитъ соразмѣрить силы Своей Церкви съ тѣмъ новымъ подвигомъ, который Онъ ей опредѣлилъ. Неужели отнята надежда, что въ канунъ готовящагося боя Онъ благоволитъ возвратитъ ей полноту силъ и для того въ положенный Имъ часъ Самъ, Своей милосердою Десницею, уврачуеъ рану на ея тѣлѣ, нанесенную человѣческой рукой, и уже вотъ восемь вѣковъ непрестанно кровоточащую... Православная Церковь никогда не отчаявалась въ этомъ исцѣленіи... Несмотря на многовѣковое раздѣленіе, несмотря на всѣ человѣческія предубѣжденія, Церковь не переставала признавать, что Христіанское начало не исчезло въ Римской церкви, что оно въ ней сильнѣе, чѣмъ заблужденіе и людская страсть... Церковь знаетъ, что, какъ и на протяженіи многихъ вѣковъ, такъ и теперь

судьба Христіанства на Западѣ все еще находится въ рукахъ Римской церкви; и она твердо надѣется, что въ день великаго воссоединенія Римская церковь неповрежденнымъ вернетъ этотъ священный залогъ»... Тютчевъ кончаетъ эти торжественныя строки воспоминаніемъ о посѣщеніи Рима императоромъ Николаемъ въ 1846-мъ году... «Появленіе въ храмѣ святаго Петра православнаго императора, возвратившагося въ Римъ послѣ столькихъ вѣковъ отсутствія»... Тютчевъ вспоминаетъ: «Памятежь электрической трепеть, пробѣжавшій по толпѣ, когда онъ подошелъ помолиться у гроба апостоловъ. Это было законное волженіе: колѣнопреклоненный царь былъ не одинъ, — съ нимъ вмѣстѣ была вся Россія, и это она поверглась ницъ... И надо надѣяться, что не напрасно возносилась ея молитва у святыхъ останковъ»... Имперія и Папство... Папство спасется русской Имперіей, а Россія отъ воссоединенной Церкви получитъ новыя силы. Это замыселъ Влад. Соловьева, — мы видимъ, онъ предвосхищенъ Тютчевымъ... «Есть только одна свѣтская власть, опирающаяся на Вселенскую Церковь, которая могла-бы преобразовать папство, не повреждая Церковь. На Западѣ такой власти никогда не было и не могло быть». Нѣтъ такой власти сейчасъ и на Востокѣ. Но на Востокѣ она возможна, должна быть, и будетъ... Это не Россія. Это — та «Великая Греко-Россійская православная Имперія», въ которую Россія должна превратиться или раскрыться — «quelque chose de formidable et de définitif». Имперія есть тотъ историческій предѣлъ, къ которому Россія стремится. И если его не достигнетъ, то и погибнетъ... Весь смыслъ и основная тема Русской исторіи для Тютчева есть собираніе «православнаго царства», «исполинское возстановленіе», — и собираніе славыянства. Это есть, думалъ онъ, «самое органиче-

ское и самое законное изъ тѣхъ дѣлъ, что свершаются въ исторіи». И Восточный Императоръ есть именно, и прежде всего, «всеславянскій царь». Славянство есть «стихія» («élément») Восточной Имперіи, — но только въ мѣру своего православія славянскіе народы выполняютъ это свое провиденціальное назначеніе. И потеря Православія означаетъ и потерю національнаго (и славянскаго) лица: окатоличенныя страны тѣмъ самымъ растворяются въ чужеплеменномъ Западѣ. Въ этомъ Тютчевъ видѣлъ трагедію Польши: «ты палъ, орелъ единоплеменный, на очистительный костеръ». Надежду Чехіи онъ видѣлъ въ гуситствѣ, поскольку оно сберегаетъ «сочувственныя воспоминанія о Восточной церкви»... Имперія едина, ибо это есть принципъ, — и потому нераздѣльна. «Имперія едина»; ея душа — Православная Церковь, ея тѣло — Славянское племя. Поэтому только собравшись въ Восточную Церковь «опальноміровое» Славянское племя станетъ и сможетъ стать державнымъ «народомъ»... Задача исторіи — въ осуществленіи Имперіи... Какъ идея и принципъ, Имперія безсмертна, при смѣнѣ властителей. Но этотъ принципъ въ разной мѣрѣ и въ разномъ смыслѣ можетъ быть проявленъ въ исторической дѣйствительности. Въ исторіи «Имперіи» наблюдаются затмѣнія и перерывы... И вотъ, послѣ четырехъ древнихъ монархій, съ Константина «начинается пятая», Имперія Христіанская, и уже «Имперія окончательная» (définitif). Современность Тютчевъ воспринимаетъ и опознаетъ, какъ одинъ изъ такихъ перерывовъ въ исторіи Имперіи. Отсюда его катастрофическое самочувствіе, его апокалиптическая тревога... Онъ не рѣшается утверждать прямо, что Имперія рождается и рождается. «Можетъ быть, Россія погибнетъ»... Но Тютчевъ настаиваетъ вотъ на чемъ: во-первыхъ, «съ 1815-го го-

да Имперія Запада уже не на Западѣ»; и вторыхъ, наступилъ рѣшительный моментъ, — Европа вдвинулась въ дилемму: побѣды и гибели... Во всякомъ случаѣ, Россія есть «блюститель Имперіи», *dépositaire de l'Empire*... «Начинается не война и не политика, — цѣлый міръ становится и слагается, — и прежде всего онъ долженъ обрѣсти свою потерянную совѣсть»... Это встрѣча и схватка Востока и Запада, — столкновение двухъ началъ и двухъ силовыхъ идей. «Рѣшительная битва всего Запада съ Россіей», такъ опредѣлялъ Тютчевъ смыслъ Крымской кампаніи. «Мы бьемся съ мертвецами, воскресшими для новыхъ похоронъ»... «Можетъ быть, Россія погибнетъ». Но это будетъ и для Запада неудачей. Ибо Россія и Западъ нераздѣлимы. «Европейскій Западъ», думалъ Тютчевъ, «только одна половина великаго органическаго единства; трудности, повидимому неразрѣшимыя, испытываемыя Западомъ, получаютъ разрѣшеніе лишь въ другой его половинѣ». Россія для Тютчева есть «вторая Европа» («*l'autre Europe*»), Востокъ въ Европѣ, столь же органическій, какъ и Западъ... Сейчасъ они въ крайнемъ разрывѣ и раздорѣ. В е с ъ Западъ возсталъ на Россію, — это не союзъ, но заговоръ. «Если бы Западъ былъ единъ, мы бы, конечно, погибли. Но ихъ два: Красный, — и тотъ, кого Красный долженъ поглотить. Сорокъ лѣтъ мы отбивали у Краснаго эту добычу, — и вотъ мы у края бездны и теперь Красный какъ-разъ и спасаетъ насъ въ свою очередь». Въ этихъ словахъ никакъ нельзя слышать сочувствіе революціонному «хаосу». Тютчевъ по-просту указываетъ на то раздвоеніе Запада, которое обезсиливаетъ врага. Революція ничего не созидаетъ; но, разрушая Западъ, она тѣмъ самымъ временно помогаетъ Востоку. Она устраняетъ преграды съ русскаго пути, разлагаетъ западные сурро-

гаты Имперіи. Рушатся западныя монархіи, рас-
качивается колеблемый невѣріемъ папскій пре-
столь, — и это облегчаетъ восточную задачу:
«возсоединеніе обѣихъ церквей» и «образованіе
Греко-Славянской Имперіи»... Если Россія по-
бѣдитъ, то спасется и Западъ. Это будетъ общій
миръ и замиреніе. «Раздастся благовѣсть всемір-
ный Побѣдъныхъ солнечныхъ лучей»... Россія и
Революція, — для Тютчева это два метафизиче-
скихъ начала, два завѣта, «два единства», двѣ
«власти» («empires»). Сейчасъ это значитъ: Во-
стокъ и Западъ. Но значитъ и еще иное: Христось
и Антихристъ... Въ современности Тютчевъ ощу-
тилъ апокалиптической трепеть. И очень сму-
щался тѣмъ, что слишкомъ немногіе различаютъ
эти «апокалиптически ясныя знаменія прибли-
жающагося»... «Имперія», — это основная тема
и основная категорія исторіософіи Тютчева.
Онъ слѣдитъ въ исторіи судьбу царствъ, — нѣтъ
с у д ь б у Ц а р с т в і я . И Царствія земного...
Въ этомъ «православномъ имперіализмѣ» Тют-
чева все своеобразие его мысли, но и ея ограничен-
ность. Даже Ив. Аксаковъ соглашался, что Тют-
чевъ «жилъ внѣ Церкви». И самъ Тютчевъ под-
черкивалъ, что не Востокъ былъ родиной его
души, — «не этотъ край безлюдный». И Правосла-
віе не было для Тютчева живой реальностью,
скорѣе логическая концепція... «Имперіализмъ»
отдѣляетъ и отличаетъ Тютчева отъ старшихъ
славянофиловъ. Но этимъ не ослабляется близость
къ нему Хомякова въ характеристикѣ Западныхъ
исповѣдацій. Вѣдь и написаны были «Нѣсколько
словъ» Хомякова именно въ отвѣтъ на критиче-
скую брошюру Лоранси противъ статьи Тютчева
о «Римскомъ вопросѣ»... Есть большая близость
со славянофилами и въ ожидаціяхъ отъ Россіи
свободнаго слова, — «и скажетъ таинство сво-
боды» у Хомякова. «Имперію» Тютчева очень на-

поминаетъ и то «всечеловѣчество», снимающее томительную тоску «европейскихъ противорѣчій», въ которомъ Достоевскій видѣлъ русское предназначеніе, нашъ удѣлъ среди народовъ арійскаго племени. И вообще очень многое роднитъ Тютчева и Достоевскаго въ ихъ историческихъ домыслахъ и догадкахъ. У обоихъ русская судьба тѣсно связывается съ рѣшеніемъ Восточнаго вопроса, съ «нашимъ Константинополемъ». И если для Тютчева темная природа Запада разоблачилась въ Крымскую кампанію, то Достоевскій понялъ ее изъ опыта 1877-го и 1878-го г. г. Сопоставленіе это можно еще болѣе углубить. Въ историческихъ думкахъ Достоевскаго образъ Имперіи вырывается тоже очень ярко и четко. И судьбу Запада онъ разгадываетъ всегда именно изъ «Римской идеи». «Имперія» есть синтезъ Древняго міра, его центральная «религіозная идея». И эта идея пережила крушеніе самого Древняго міра, и стала «идеей европейскаго человѣчества» вообще. И вотъ противостоятъ Имперія и Церковь. Достоевскій сразу договариваетъ: Аполлонъ и Христосъ, — «человѣко-богъ встрѣтилъ Бого-человѣка»... На Западѣ Имперія все въ себѣ поглотила, и самая Церковь, или Папство, есть прямое «продолженіе древней Римской Имперіи въ новомъ воплощеніи». И Ватиканскій соборъ показался Достоевскому побѣдой Юліана Отступника. «Это Римъ Юліана Отступника, но не побѣжденный, а какъ бы побѣдившій Христа въ новой и послѣдней битвѣ»... Новое перевоплощеніе той же «Римской идеи» Достоевскій увидѣлъ въ социализмѣ... Тема и образъ «Имперіи» у Достоевскаго врядъ ли отъ Тютчева. Но мысли Тютчева тоже вплелись въ ткань его историческихъ размышленій (*). ... Гораздо глубже и интим-

*) Срв. мою брошюру «Достоевски и Европа», Славянска Библиотека, II, 2, София 1922 (по-болгарски). Я предполагаю вскорѣ еще разъ вернуться къ этой темѣ.

нѣе связанъ былъ съ Тютчевымъ въ своиу ре-
лигіозно-исторіософическихъ построеніяхъ Вла-
иміръ Соловьевъ.

3. Образъ Имперіи вошелъ въ исторіософи-
ческія схемы Соловьева не сразу и не съ самаго
начала. Въ статьяхъ семидесятыхъ годовъ онъ
еще не говоритъ объ Имперіи. Въ это время, по-
добно Достоевскому, онъ видѣлъ въ Имперіи ско-
рѣе отрицательное начало, «третье діаволово иску-
шеніе». Достаточно одной и очень выразительной
ссылки. «Въ самомъ дѣлѣ», писалъ Соловьевъ,
«разъ христіанская Церковь признавала себя
единственнымъ духовнымъ священнымъ обще-
ствомъ, смотря на все остальное, какъ на про-
фанит, она тѣмъ самымъ отнимала у государства
все его прежее значеніе, отрицала священную рес-
публику. Признавая государство только какъ
сдерживающую репрессивную силу, христіане от-
нимали у него всякое положительное духовное
содержаніе. Императоръ, послѣдній богъ языче-
скаго міра, могъ быть для нихъ только верховнымъ
начальникомъ полиціи. Этимъ отрицается самый
принципъ древняго общества, состоявшій именно
въ обожествленіи республики и императора, какъ
ея представителя» (*). Правда, такое раздѣле-
ніе и противостояніе Церкви и государства Со-
ловьевъ считалъ только временнымъ, и постули-
ровалъ уже и тогда воцерковленіе государства.
Однако, въ то время онъ былъ скорѣе «народни-
комъ», чѣмъ «имперіалистомъ», — и синтетиче-
скую силу видѣлъ въ «обществѣ», въ народѣ, въ
«земствѣ». Свободную теократію въ статьяхъ о
«Философскихъ началахъ цѣльнаго знанія» онъ
опредѣлялъ, какъ «цѣльное общество», — не какъ
«Имперію»... Въ самомъ государствѣ онъ видѣлъ
только формальное начало, организацію свобо-

*) I. 244

ды и справедливости, — не воплощеніе власти... Новые мотивы въ творчествѣ Соловьева проби-ваются уже въ началѣ 80-хъ годовъ, когда онъ напряженно задумывается надъ конкретными за-дачами «Христіанской политики». Тогда у него складывается новая схема. По новому онъ оцѣ-ниваетъ тогда историческій итогъ древняго міра, созданіе Имперіи. Она не отвергнута Церковію, но освящена, — и освящена во всей своей идеаль-ной полнотѣ: «въ христіанскомъ государствѣ на-ходится все то, что было и въ государствѣ языче-скомъ» (*)... И освящена именно Имперія, — *imperium*; начало власти... Единство человѣ-чества осуществляется именно въ государствѣ, такъ думаетъ теперь Соловьевъ. И «государство» открывается ему теперь, какъ предѣльное и поло-жительное выраженіе чисто человѣческой стихіи, какъ «собираемый человѣкъ». Въ государствѣ человѣчество ограждаетъ себя отъ природы, отъ темнаго хаоса, — государство представляетъ со-бою устой (*status*) человѣчества противъ внѣш-нихъ стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ на него и въ немъ». И только чрезъ государство человѣче-ство и можетъ «свободно обращаться къ Божеству», только чрезъ христіанское Государство можетъ быть осуществлена или восстановлена Богочеловѣ-ческая связь (**). Съ этой точки зрѣнія ос-новной темой исторіи оказывается именно Им-перія... И Соловьевъ начинаетъ наблюдать и изу-чать судьбу этой Христіанской Имперіи... Рим-ская Имперія преобразилась въ Византійское цар-ство. Но именно Царство и не удалось въ Виза-тіи, — воцерковленія Имперіи не произошло, и напротивъ — Имперія разложилась опять въ язы-ческой цезаризмъ. На Западѣ Имперія распалась еще раньше въ феодальномъ хаосѣ и розни. Им-

*) III. 373

***) III. 370.

перія же можетъ быть только единой, и только единовластіе можетъ быть полновластіемъ... Сейчасъ возстановленіе Имперіи возможно только въ Россіи, — это основная посылка Соловьева. Силу Россіи онъ видитъ въ царскомъ единовластіи и въ благочестіи народа. Россія для него есть прежде всего Ц а р с т в о . Русская исторія снова становится въ его воспріятіи Исторіей Государства Россійскаго. Но это — Имперія, не національное государство. Имперія въ возможности, и творческія возможности русскаго Царства еще не раскрылись и не исполнились. Раскрыться онѣ могутъ только въ высшемъ синтезѣ, который долженъ разрѣшить и закончить «Великій Споръ», вѣковой споръ Востока и Запада... Характерно, что въ этомъ спорѣ для Соловьева носителемъ земного или человѣческаго начачала оказывается Востокъ, — онъ самъ себѣ противорѣчитъ, того не замѣчая, ибо вмѣстѣ съ тѣмъ именно Западъ въ его общихъ схемахъ означаетъ или выражаетъ самоутвержденіе человѣческой стихіи, а Востоку свойственно скорѣе униженіе человѣческаго начала и свободы. Однако, Царство все же на Востокѣ. «Мы народъ настоящаго, народъ царскій» (*)... Именно въ Россіи, и только въ Россіи, можетъ и должно открыться вселенское Царство, Царствіе христіанское. Въ этомъ Соловьевъ и усматривалъ послѣдній смыслъ церковнаго возсоединенія, которое онъ проповѣдывалъ въ восьмидесятыхъ годахъ... Это было, строго говоря, не столько «соединеніе церквей», сколько в о з с о е д и н е н і е раздѣленныхъ и разобщенныхъ Ц а р с т в а и С в я щ е н с т в а , ослабленныхъ и умаленныхъ въ этомъ разрывѣ. Возсоединеніе этихъ двухъ основныхъ теократическихъ силъ и началъ, въ раздѣльности равно недостаточныхъ

*) IV, 230.

для осуществленія вселенскаго Богочеловѣческаго дѣла на землѣ... Соловьевъ думалъ: только чрезъ возсоединеніе съ началомъ Священства царственная потенція Россіи можетъ раскрыться въ Имперію. Но и обратно: только чрезъ воцерковленное царство можетъ раскрыться въ міръ и высшая власть Священства... Иначе сказать, въ Царствіе Божіе Церковь исполнится только чрезъ Царство земное, чрезъ Имперію. Для этого царственный народъ современности, Россія, долженъ отречься отъ своего національнаго самодовлѣнія, совершить подвигъ національнаго самоотреченія, — и въ немъ онъ исполнится силы, начнетъ процессъ собиранія или интеграціи въ распадающемся человѣческомъ мірѣ. Имперіализмъ черезъ самоотреченіе, — вотъ новая и парадоксальная мысль Соловьева. Ее онъ досказываетъ до конца въ своей французскій книгѣ...(*) Во введеніи онъ говоритъ именно объ Имперіи, какъ объ исполненіи государства, и прямо утверждаетъ: «Установленіе священства есть совершившійся фактъ, а вполне свободное братство пока лишь идеаль; поэтому, главнымъ образомъ средній терминъ — Государство въ его отношеніи къ Христіанству опредѣляетъ историческія судьбы человѣчества», И въ христіанскомъ Государствѣ Церковь становится не только храмомъ, но и живымъ тѣломъ Бога... Любопытно, что всѣ ереси древней Церкви Соловьевъ разсматриваетъ здѣсь съ государственной точки зрѣнія. «Ересь нападала на совершенное единство божескаго и человѣческаго въ Иисусѣ Христѣ, чтобы подрить въ самомъ основаніи органическую связь Церкви съ Государствомъ и присвоить этому послѣднему

*) La Russie et l'Eglise Universelle, P. 1889, p. пер. Г. А. Рачинскаго, М. «Путь», 1911, — см. особенно Introduction, p. XXIV suiv. (p. пер. с. 19 слл.) и Livre II, ch. 7, Les monarchies de Daniel, «Roma» et «Amor», p. 134 suiv. (p. пер. 225 слл.).

...установку неопределенности. Ересь, какъ тако-
вая, была въ изображеніи Соловьева нѣкимъ са-
моопредѣленіемъ Византійской Имперіи, лжехри-
стіанской, языческой. Иначе сказать: ересь оз-
начаетъ мятежь и упорство не-воцерковленной
Имперіи... И вотъ «миссія основать христіанское
государство», отвергнутая Греческой Имперіей,
властію св. Петра переносится на романо-герман-
скій міръ. Однако, и западная средневѣковая мо-
нархія не выполнила этой миссії, — «священная
римская имперія нѣмецкой націи» оказалась исто-
рической фикціей. Наконецъ, западное государ-
ство и вовсе отпало отъ Церкви... Въ мірѣ нѣтъ
теперь Христіанскаго Царства, и это обезсили-
ваетъ Церковь, лишаетъ ее свѣтской власти, вла-
сти въ міру и надъ міромъ... Соловьевъ догады-
вается, «что историческія судьбы опредѣлили,
чтобы Россія дала Вселенской Церкви политиче-
скую власть, такъ необходимую для спасенія
и возрожденія Европы и всего міра»... Религіоз-
но-историческая миссія Россіи опредѣляется, въ
пониманіи Соловьева, ея государственной силой.
И эта сила должна свободно отдаться и покорить-
ся Священству. Тогда Церковь снова и навсегда
найдетъ себѣ живое общественное тѣло, — возни-
каетъ новое Царство, и всеславянское Царство...
Здѣсь у Соловьева сказывается новый мотивъ.
Онъ слѣдитъ судьбы Имперіи въ древнемъ мірѣ,
— до того времени, когда «изъ уродливаго и призрачнаго
сцѣпленія разнородныхъ элементовъ чело-
вѣчество превратилось въ однородное и органи-
зованное тѣло, Римскую Имперію, съ живымъ и
личнымъ центромъ, Кесаремъ Августомъ, носите-
лемъ и представителемъ объединенной воли всего
человѣческаго рода»... Эта Имперія опиралась
только на слѣпую силу и на удачу. И потому она
была отмѣнена. Точнѣе сказать, политическая
монархія была замѣнена духовной. Сохранилась

всесірня монархія и интернаціональное единство. Болѣе того, центръ единства не былъ географически смѣщенъ. Но была смѣнена династія. «Низвергая съ престола ложный и нечестивый абсолютизмъ языческихъ Кесарей, Иисусъ въ то же время подтвердилъ и увѣковѣчилъ всемирную монархію Рима, далъ ей ея истинную теократическую основу. Въ извѣстномъ смыслѣ это было лишь перемѣной династіи; династію Юлія Цезаря, верховнаго первосвященника и бога, смѣнила династія Симона Петра, первосвященника и слуги слугъ Божіихъ». Имперія увѣковѣчена, и имеемо Римская Имперія.... Римъ пребываетъ непреложно, какъ вѣщьяя форма Царствія Божія... «Великій, святой и вѣчный Римъ»... «Въ этотъ Римъ я вѣрю», писалъ Соловьевъ Аксакову, — «предъ нимъ преклоняюсь, его люблю всѣмъ сердцемъ и всѣми силами своей души желаю его возстановленія для единства и цѣлости всемирной Церкви; и будь я проклятъ, какъ отцеубійца, если когда нибудъ произнесу слово осужденія на святыню Рима» (*).... Великій и вѣчный Римъ, Вѣчный Градъ, Urbis aeterna, — видимый и здѣшній, — нѣкая вѣчная Капитолійская скала или утесъ... Для Соловьева самая Церковь есть Римъ. И не обмолвился онъ, когда однажды назвалъ «отца Энея» рядомъ съ «отцомъ вѣрующихъ», Авраамомъ... Римъ не странствуетъ, — не было, нѣтъ и быть не можетъ ни Второго, ни Третьяго Рима. Но мѣняется социальная среда, въ которой осуществляется неизмѣнная власть единаго Рима. Римъ не странствуетъ, не перевоплощается. И, собственно, самая Церковь и есть уже Имперія.. — Ученіе Соловьева объ Имперіи очень сложное. И въ немъ скрещиваются очень разные мотивы и вліянія. Не вліяніе Тютчева было основнымъ

*) Письма I V, с. 21, — письмо отъ 9 марта 1883 г.

и начальнымъ. Однако, врядъ ли не у Тютчева взялъ и заимствовалъ Соловьевъ этотъ образъ Русскаго царя въ папскомъ Римѣ, который вѣдь и выражаетъ самый основной замыселъ Соловьева. «Россія и Вселенская Церковь», — а въ дѣйствительности: царская Россія и папскій Римъ, какъ явленіе Царствія и Священства... Замыселъ Христіанскаго возсоединенія развертывается у Соловьева, какъ планъ Христіанскаго Царства. Царственный центръ долженъ быть въ Россіи. А тѣломъ новаго Царствія будутъ Славянскія племена. У Соловьева не обрывается еще славянофильская традиція, и во французской его книгѣ она чувствуется очень сильно. Ее обновили, конечно, Хорватскія впечатлѣнія и прямое вліяніе Штроссмайера. Но врядъ ли, снова, не Тютчевъ напомнилъ Соловьеву эту грезу о превращеніи Россіи во вселенское Греко-Славянское Царство, въ которомъ и народы Европы найдутъ миръ и отраду... Когда черезъ нѣсколько лѣтъ, и уже скорѣе въ разочарованіи, Соловьевъ писалъ о Тютчевѣ, онъ довольно подробно передаетъ и эти имперіалистическія догадки поэта. И не спорить съ нимъ. Не возражаетъ, и не отрицаетъ, что Россія есть живая душа и средоточіе челоуѣчества. Онъ только подчеркиваетъ, что міровое призваніе Россіи осуществится не внѣшнимъ, но внутреннимъ подвигомъ. «Христіанскимъ Царствомъ» Россія стать можетъ и безъ Цареграда, стать «царствомъ правды и милости» (*)... Въ этомъ не сомнѣвался и самъ Тютчевъ.

Священникъ *Г е о р г і й Ф л о р о в с к і й*.

*) VII², 131—134.